

- ¹⁶ Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М., 1997. С. 86.
- ¹⁷ Гюнцль Кристоф. Новое мышление в преодолении прошлого и созидании будущего. М., 1993. С. 18–19.
- ¹⁸ Капра Ф. Дао физики: Исследования параллелей между современной физикой и метафизикой Востока. СПб., 1994. С. 109.
- ¹⁹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 100.
- ²⁰ Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М., 1991. С. 168.
- ²¹ Гарднер Клинтон. Между Востоком и Западом. Возрождение даров русской души. М., 1993. С. 10.
- ²² Там же. С. 20–21.
- ²³ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 508.
- ²⁴ Книга о Владимире Соловьеве. С. 332.

Ю.Н. НАЗАРОВ

В.В. ВОЗИЛОВ

Шуйский государственный педагогический университет

«РОССИЯ И ЕВРОПА»

В СПОРЕ Н.Я. ДАНИЛЕВСКОГО И В.С. СОЛОВЬЕВА

Мыслители разных народов в различные исторические эпохи именовали свое собственное или какое-либо иное человеческое общество по-разному: полис (Платон, Аристотель), цивитас (Цицерон, Сенека), цивитас террена (Аврелий Августин), хидара (Ибн-Хальдун), нация (Дж.Вико), гражданское общество (Т.Гоббс), цивилизация (Ф.Гизо), общественно-экономическая формация (К.Маркс), социальный организм (Г.Спенсер), культурно-исторический тип (Н.Я.Данилевский, В.С.Соловьев) и т.д. Социальная жизнедеятельность человека, начиная с античности до начала XX века, обозначалась термином «общество». С развитием этнографии, этнологии, получивших в американской науке название «культурная антропология», понятие «общество» все чаще заменялось термином «культура», который и стал преобладающим в социологических и культурологических исследованиях второй половины XX века.

В современной научной литературе существует множество определений понятия «культура». Впервые теоретически-содержательное описание основных областей культуры было дано Н.Я.Данилевским. «Общих разрядов культурной деятельности в обширном смысле этого слова (не могущих уже быть подведенным один под другой, которые мы должны, следовательно, признать за высшие категории деления) насчитывается, – писал русский мыслитель в книге «Россия и Европа» (1869 г.), – не более не менее четырех, именно:

1. *Деятельность религиозная*, объемлющая собою отношения человека к Богу, – понятие человека о судьбах своих как нравственного неделимого в отношении к общим судьбам человечества и Вселенной, то есть, выражаясь более общими терминами: народное мировоззрение не как теоретическое, более или менее гадательное знание, во всяком случае, доступное только немногим, а как твердая вера, составляющая живую основу всей нравственной деятельности человека.

2. *Деятельность культурная, в тесном значении этого слова*, объемлющая отношения человека к внешнему миру, во-первых, *теоретическое – научное*, во-вторых, *эстетическое – художественное* (причем, конечно, к внешнему миру причисляется и сам человек как предмет исследования, мышления и художественного воспроизведения) и, в-третьих, *техническое – промышленное*, то есть добывание и обработка предметов внешнего мира, применительно к нуждам человека и сообразно с пониманием как этих нужд, так и внешнего мира достигнутым путем теоретическим.

3. *Деятельность политическая*, объемлющая собою отношения людей между собою как членов одного народного целого и отношения этого целого как единицы высшего порядка к другим народам. Наконец,

4. *Деятельность общественно-экономическая*, объемлющая собою отношения людей между собою не непосредственно как нравственных и политических личностей, а посредственно – применительно к условиям пользования предметами внешнего мира, следовательно, и добывания и обработки их»¹.

В России обстоятельный научный труд Данилевского вызвал противоречивые отклики. Одни объявили его «целым катихизисом славянофильства» (Н.Н.Страхов), другие увидели в авторе решительного противника «всемирно-исторической точки зрения» первых славянофилов, а в его учении – переход от первоначальной доктрины славянофильства к «теории русского национализма» (В.Мякотин). В.С.Соловьев откликнулся на исследование Данилевского научно-биографической статьей в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, а также журнальной публикацией под названием «Россия и Европа» (1888 г.). Крайне отрицательно относясь к русскому национализму и его приверженцам, Соловьев не пожелал дать объективный теоретический анализ научных идей Данилевского, назвав его сочинение в письме к Страхову от 23 августа 1890 года «кораном всех мерзавцев и глупцов, желающих погубить Россию и уготовить путь грядущему антихристу». Вместе с тем Соловьев признавал, что основное идейное содержание главного «литературного труда» русского «публициста» составляет «теория культурно-исторических типов».

Излагая предложенную Данилевским концепцию исторического развития, Соловьев остановился прежде всего на идее культурно-исторических типов как реальных, действительных носителей человеческой истории. Согласно Данилевскому, таких типов, уже проявившихся в истории, десять: египетский, китайский, индийский, еврейский, греческий, европейский и др. «Россия с славянством, – так выразил Соловьев важнейшую мысль Данилевского, – образует новый, имеющий в скором времени проявиться культурно-исторический тип, совершенно отличный и отдельный от Европы»². Именно на этой идее и сосредоточил свою критику Соловьев. Для него, исповедующего концепцию «высших интересов, имеющих общечеловеческое значение» (развитие «науки, просвещения, истинной свободы и т.д.»), «предполагаемая «идея славянства» сводится лишь к этнографической особенности этого племени»³. Данилевский же, исходит из того, что «интерес человечества» есть бессмысленное выражение для человека, тогда как выражение «европейский инте-

рес» не есть пустое слово для француза, немца, англичанина. «Итак, — делает свой важнейший вывод Данилевский, — для всякого славянина: русского, чеха, серба, хорвата, словенца, словака, болгар (желал бы прибавить и поляка), — после Бога и Его святой Церкви, — идея славянства должна быть высшею идеею, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них для него недостижимо без ее осуществления — без духовно, народно и политически самобытного, независимого славянства; а, напротив того, все эти блага будут необходимыми последствиями этой независимости и самобытности»⁴.

Н.Я.Данилевский сформулировал четыре закона исторического развития. Один из них гласит: «Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций»⁵. Разъясняя содержание данного закона, Данилевский писал, что египетская культура не перешла к народам неегипетского происхождения, что индийская цивилизация ограничилась народами, говорящими на языках «санскритского корня», что «евреи не передали своей культуры ни одному из окружающих или одновременно живших с ними народов»⁶. Возражая Данилевскому, Соловьев утверждал, что «действительное движение истории» состоит именно в передаче «культурных начал». Так, замечал он, возникший в Индии буддизм был передан народам монгольской расы и определил собою духовный характер и культурно-историческую судьбу всей Восточной и Северной Азии, а христианство, «явившееся среди еврейского народа, даже в два приема нарушило мнимый «исторический закон», ибо сначала евреи передали эту религию греческому и римскому миру, а потом эти два культурно-исторические типа еще раз совершили такую недозволенную передачу двум новым типам: германо-романскому и славянскому, помешав им исполнить требование теории и создать свои собственные религиозные начала»⁷.

Самобытность того или иного культурно-исторического типа проистекает, по Данилевскому, из особенностей природного бытия народов. Вопрос о взаимосвязи культуры и натуры, природы конкретной страны и истории отдельного народа достаточно сложен. Решение его в самом общем виде выглядит так: культура всякого народа формируется, создается, развивается в определенных природных условиях. Дальнейшая конкретизация данного тезиса не свободна от затруднений и опасностей, против которых, как верно заметил В.О.Ключевский, «необходимы методологические предосторожности»⁸. «Жизненная цельность исторического процесса, – писал историк, – наименее податливый предмет исторического изучения»⁹. Вот почему при рассмотрении указанного вопроса по необходимости приходится обращаться к теоретическим принципам, разрабатываемым в рамках социально-философского и культурологического знания. Несомненно, что человек то приспосабливается к окружающей его природе, к ее силам и способам действия, то приспосабливает силы природы к своим потребностям, от которых он не может или не хочет отказаться. Человек составляет одно целое с природой, вместе они суть единство: культура вне натуры, общество вне природы, человек вне исторической деятельности, развивающейся в определенных географических условиях, не существуют. Вместе с тем стороны, составляющие единство системы «общество – природа», являются противоположностями. Взаимодействуя с природой, человек разумный «вырабатывает свою сообразительность и свой характер»¹⁰, определяет свое отношение не только к миру природы, но и к миру культуры, создает ту или иную систему социальных взаимосвязей.

В общетеоретическом смысле понятие «культура» совпадает по своему содержанию с понятием «общество». Всякий элемент культуры возникает в обществе, представляет собой общественное образование, и, напротив, всякая часть общества есть элемент культуры, создаваемой умом и руками человека, общественного существа. Обладая одним и тем же содержанием, понятия «культура» и «общество» используются в разных науках для различных целей. Социология и социальная философия

предпочитают термин «общество». Этнография и этнология, социальная антропология и культурная антропология, культурологические дисциплины разного рода предпочитают пользоваться термином «культура», обозначая им те или иные стороны человека. Общенаучное понятие культуры охватывает совокупность всех способов человеческой деятельности, а также продуктов этой деятельности и самого процесса их создания. Одна культура (этническая, формационно-историческая, региональная, личностная и т.д.) отличается от другой прежде всего теми способами, какими человек создает искусственную среду, необходимую ему для выживания в конкретных природно-климатических условиях.

В философском смысле культура есть особый способ надбиологического бытия *homo intelligentialis* – общественного существа, способного управлять образами собственного сознания, вещами и людьми. Данная способность выделяет человека из мира природы, делая его творцом «второй природы» – культуры. Одним из важнейших субъектов исторического развития является созданная природой и образованная целенаправленной социокультурной деятельностью интеллигенция как составная часть всякого самобытного народа. Характеризуя культуру, П.Н.Милюков писал, что она «есть та совокупность технических и психологических навыков, в которых отложилась и кристаллизировалась в каждой нации вековая работа ее интеллигенции. Культура – это чернозем, на котором расцветают интеллигентские цветки»¹¹.

Несмотря на чрезвычайно узкое истолкование культуры, Милюков вместе с тем подчеркнул важную мысль о зависимости интеллигентской деятельности от национальной почвы. Данная идея признавалась и признается далеко не всеми. Так, например, С.Л.Франк, понимавший под культурой совокупность создаваемых обществом *«объективных ценностей»* (нравственность, религия, наука, искусство и т.д.), утверждал, что «русскому интеллигенту чуждо и отчасти даже враждебно понятие культуры»¹². Эту удивительную сентенцию Франка можно объяснить лишь своеобразным, характерным для определенного исторического

времени и «кружковой» культурной среды, пониманием интеллигенции как небольшой группы революционеров-нигилистов.

Известно, что всякая социальная группа, формирующаяся в ходе исторического развития, пытается в той или иной мере осознать собственное место и роль в обществе. Каждая группа выдвигает из своей среды мыслящих личностей, которые выполняют функции идеологов, то есть сознательных выразителей интересов данной группы. Интеллигенция отличается от прочих социальных групп тем, что она состоит если не целиком, то преимущественно из людей, приуготовленных природой к размышлению, решению различных умственных задач, сознательному поиску ответа на вопросы, выдвигаемые развитием общества. Русская интеллигенция, осознавшая себя реальной политической и духовно-идеологической силой, пришла в середине XIX столетия к теоретической постановке вопросов о ее месте и роли в обществе. Наиболее значимыми из них были: связь с национальной почвой и собственным народом; отношение к власти и участие в государственной работе; выбор революционных или эволюционных путей преобразования общества. Решение этих вопросов в значительной мере определялось интеллигентскими мировоззренческо-групповыми установками, не всегда отчетливо сформулированными, но заметно проявлявшими себя в общественно-политической борьбе, находившей отражение на страницах печатных изданий.

Одним из первых к теоретическому осмыслению проблемы интеллигенции подошел известный литературный критик и общественный деятель Н.Н.Страхов в 1869 году. В статье о романе Л.Н.Толстого «Война и мир» он обратился к рассмотрению «нашего умственного мира». По его мнению, русскую интеллигенцию отличает то, что «ее образованность не имеет никаких прочных корней, что в ее умах никакие идеи не оставили следов, что прошедшего у нее вовсе нет». Интеллигенции при «ложной образованности недостает действительно *настоящего* образования». Следствием слабости российских умов и господствующего между ними невежества является нигилизм, который один составляет «только пробившееся наружу сознание нашей интелли-

генции»¹³. Различение ложной образованности, притекающей в Россию с Запада, и истинной образованности, которая должна питаться национальной почвой, позволило Страхову разделить интеллигентов на две группы: национально ориентированных созидателей и мечтателей западного толка.

В одно время со Страховым к проблеме интеллигенции обратился Н.Я.Данилевский. В книге «Россия и Европа» он писал, что «так называемая интеллигенция не что иное, как более или менее многочисленное собрание довольно пустых личностей, получивших извне почерпнутое образование, не переваривших и не усвоивших его, а только перемалывающих в голове, перебалтывающих языком ходячие мысли, находящиеся в ходу в данное время под пошлою этикеткою современных»¹⁴. Основными недостатками русской интеллигенции Данилевский считал подражательство Западу, или «европейничанье», как выражение слабости и немощи народного духа в высших образованных слоях русского общества, а также идущие отсюда западничество, либерализм, нигилизм, в которых он видел угрозу интересам общеславянского дела. Мысли, высказанные Страховым и Данилевским в конце 60-х годов XIX века, обнаруживают характерное для определенной части русского общества отношение к интеллигенции как к особой группе лиц, чуждых по своему мировоззрению и жизненной позиции национальному укладу.

Подобная характеристика интеллигенции встречается в работе К.Н.Леонтьева «Византизм и славянство» (1875 г.), где он достаточно резко оценивал умственное и нравственное состояние интеллигенции Балкан. По его мнению, «космополитические, разрушительные и отрицательные идеи, воплощенные в кое-как по-европейски обученной интеллигенции», обнаруживают себя в ее деятельности, которая «не требует ни философского ума, ни высокого светского образования, ни возвышенных, героических вкусов и чувств»¹⁵. Сходное отношение было у Леонтьева и к русским интеллигентам, которых он называл не иначе как «обезьянами прогресса». Обращаясь к вопросу о месте интеллигенции в обществе, К.Н.Леонтьев в работе «Восток и Запад» писал: «Надобно... проводить мысленно черту между эпической,

простонародной половиной всего греко-славянского мира... и половиной... буржуазной (ибо выражение интеллигенция, противопоставленное выражению эпическая часть нации, было бы в этом случае для народа слишком обидно)»¹⁶.

Отношение славянофилов к интеллигентам-западникам было в целом отрицательным, поскольку они видели в них своих идейных противников. Как признавал И.С.Аксаков, говоря о славянофильских изданиях, «непосредственного действия на массы читающего люда они не оказывали, – но действие их на своих противников, на так называемую интеллигенцию, было неотразимо, – хотя и не быстро»¹⁷. Вместе с тем славянофилам было присуще стремление «возвратить нашу отчасти слишком высоко и отчасти слишком униженно о себе мыслящую интеллигенцию на настоящую родную почву», а также понимание необходимости «прекращения разрыва интеллигенции с народом, – разрыва, вредного для обоих, равно их ослабляющего и препятствующего самостоятельному развитию России»¹⁸.

В трактовке интеллигенции мыслители-славянофилы исходили из понимания ее как части общества, части народа, которая распадается на две основные группы: интеллигентов-западников, питающихся европейскими идеями и в силу этого не способных действовать созидательно, и интеллигентов-националистов, близких родной почве, а потому сохраняющих самобытные ценности славяно-русской культуры.

Различия между двумя группами русской интеллигенции видели не только славянофилы. Традиционно причисляемый к русским либералам К.Д.Кавелин определял интеллигенцию как образованный цивилизованный слой русского общества, относя к нему и дворянство, и лиц среднего сословия. Он отмечал обособленность интеллигенции от народа, ее корпоративный характер («как некая опрличина в земле»), что подчеркивается ее антигосударственной, антинародной и антиправовой деятельностью. В мировоззренческом плане Кавелин различал две группы интеллигенции: первая ориентируется на Европу, вторая – на Россию¹⁹. По его мнению, нужно сделать «шаг, чтобы создать одну сомкнутую русскую национальную интеллигенцию, кото-

рая охватит все направления и течения русской мысли со всеми их оттенками»²⁰.

С позиций, противоположных славянофильским, выступил В.С.Соловьев. В статье «Россия и Европа» он писал об ошибочной, на его взгляд, мысли М.Н.Каткова, утверждавшего, что «*тело* России, т.е. низшие классы населения, пользуется полным здоровьем, и что только *голова* этого великого организма, т.е. высший и образованный класс, страдает тяжким недугом»²¹. В.С.Соловьев иронически замечал по этому поводу, что образованному классу «еще очень далеко до прогрессивного паралича и размягчения мозга, которые пригрезились опрометчивому охранителю наших основ»²². Кроме того, Соловьев отверг предложение Каткова передать народную школу в руки какого-либо класса, чуждого и враждебного образовательным целям. «Наши публицисты-охранители уже с полной откровенностью высказывают свои мечты о закрытии не только народных школ, но также гимназий и университетов. Это во всяком случае делает честь их последовательности и сообразительности. Они ясно видят единственный способ уничтожить ту «интеллигенцию», которая стоит поперек пути к их идеалу. Петр Великий создал ее посредством училищ; упраздните училища, и скоро вся эта «интеллигенция» исчезнет сама собою, даже без всякого кровопролития. А с ее исчезновением патриотический идеал этих «пророков навыворот» осуществится вполне, в России останутся только безграмотный и безгласный народ, с одной стороны, а с другой – «сто тысяч» екатерининских полицмейстеров, беспрепятственно переводящих этот народ на положение безземельных батраков»²³. При этом Соловьев отмечал, что «триединая вражда к простому народу, к школе и «интеллигенции» заслоняет даже своекорыстные сословные расчеты и становится *spiritus movens* всей ретроградной публицистики, сообщая ей прямо злостный характер»²⁴.

В.С.Соловьев рассматривал интеллигенцию как часть образованного общества, которая призвана просвещать народ, но при этом выступал против сужения ее до привилегированных слоев, получивших образование в лицах и университетах. Вместе с тем Соловьев отмечал и отрицательные черты этой интел-

лигенции. В первой речи в память Достоевского он говорил, что «худшие люди мертвого дома возвратили Достоевскому то, что отняли у него лучшие люди интеллигенции. Если там, среди представителей просвещения, остаток религиозного чувства представлял его бледнеть от богохульства передового литератора, то тут, в мертвом доме, это чувство должно было воскреснуть и обновиться...»²⁵.

До середины XIX века образованная часть русского общества была достаточно однородной. Реформы 60-х годов сломали прежнюю социальную структуру России. В образованном обществе начался процесс размежевания на старое дворянство и новый интеллигентный слой, состоящий в основном из разночинцев. Их противостояние было отмечено В.С.Соловьевым, который писал о дворянских публицистах: «...Им приходится как можно более сузить свое дворянство, ограничить его одними питомцами привилегированных учебных заведений и кадетских корпусов, исключить из него всю прочую так называемую «интеллигенцию», так называемых «разночинцев» и так называемых «семинаристов», т.е. людей, наиболее содействовавших верховной власти, со времен Петра Великого, в деле просвещения России»²⁶.

Критическое отношение к результатам интеллигентской деятельности, которое было свойственно почти всем русским мыслителям, заставляло их задумываться о конкретных задачах, стоящих перед ней. Предназначение интеллигенции выводилось из конкретно-исторических условий русской жизни. Н.Я.Данилевский предлагал интеллигенции отказаться смотреть на все европейскими глазами и исходить прежде всего из собственных российских интересов²⁷. Упрекая интеллигенцию в подражательстве Европе, он называл в качестве ближайшей цели борьбу с ней. «...Самый процесс этой неизбежной борьбы, а не одни только ее желанные результаты... – писал он, – считаем мы спасительными и благодетельными, ибо только эта борьба может отрезвить мысль нашу, поднять во всех слоях нашего общества народный дух, погрязший в подражательности, в поклонении чужому, зараженный тем крайне опасным недугом, который

мы назвали европейничаньем»²⁸. Предназначение русской интеллигенции Данилевский видел в содействии сохранению и развитию того культурно-исторического типа, к которому она принадлежит.

Иное понимание задач интеллигенции предложил В.О.Ключевский. По его мнению, «образованный русский человек знал русскую действительность, как она есть, но не догадывался, что ей нужно и что ей делать, т.е. не понимал ее, а не понимал потому, что ничего не признавал кроме нее, как своего единственного идеала, пока сама же она не раскрыла ему своих недостатков и не закричала о своих нуждах. Тогда впервые почувствовал русский интеллигент, что можно знать родную жизнь, не понимая ее, и что для понимания нужно знать еще нечто кроме нее; но как нужно знать, чтобы понимать, и что еще нужно знать – этого он не мог уяснить себе»²⁹. Ключевский занимает промежуточную позицию в споре между сторонниками европейского образования и теми, для кого способность понимать не связана с научным образованием. Согласно ему, научно-литературное образование является необходимым условием исполнения интеллигенцией своего предназначения, состоящего в том, чтобы «понимать окружающее, действительность, свое положение и своего народа»³⁰.

Обоих мыслителей сближает представление, что существенной задачей интеллигентской деятельности является осознание действительности, понимание положения собственного народа относительно иных народов. Вместе с тем, они расходятся в характере этого понимания. Для Данилевского особенно важен отказ от подражательства Западу, тогда как Ключевский считает, что понять родное можно зная нечто, находящееся за пределами своего. Различие в позициях двух авторов заключается также в практическом предназначении данного понимания: борьба за сохранение собственного народа среди других и абстрактные идеи науки и просвещения. Несовпадение позиций Ключевского и Данилевского служит одним из показателей того, что русская интеллигенция не обладала единым национальным мировоззрением.

Естественноисторическое развитие всякого народа приводит к появлению интеллигентных личностей, способных стать его политическими и духовными вождями. Однако эта историческая возможность не всегда становится действительностью. Вышедшие из народа интеллигенты не всегда умеют, а иногда и не желают уяснять особенную природу своего собственного народа и склонны в силу различных обстоятельств искать для себя идеологические образцы в иных культурных мирах. Поэтому в истории разных народов возникали ситуации, когда интеллигенция уходила от насущных забот народной жизни. В русской истории XIX столетия такое положение дел привело многих мыслителей к теоретической постановке проблемы «интеллигенция и народ».

Анализируя российскую действительность середины XIX века, в которой отрыв интеллигенции от народа стал очевиден для многих образованных людей, озабоченных нуждами широких масс, Н.Я.Данилевский писал: «Но как ни внешне наше русское просвещение, как ни оторвана наша интеллигенция (в большинстве своем) от народной жизни, она не встречает, однако же, в русском народе и в России *tabulam rasam* для своих цивилизаторских опытов, а должна волею или неволею сообразовываться с веками установившимся и окрепшим народным бытом и порядком вещей. Для самого изменения этого порядка интеллигенция принуждена опираться, часто сама того не замечая, на народные же начала; когда же забывает об этом (что нередко случается), то народ, составивший уже долгим историческим путем общественный организм, извергает из себя чужое, хотя бы то было посредством гнойных ран, или как бы облекает его хрящеватою оболочкою и обособляет от всякого живого общения с народным организмом, – и чуждое насаждение, в своей мертвенной формальности, хотя и мешает, конечно, правильному ходу народной жизни, но не преграждает его, и она обтекает и обходит его мимо»³¹.

В то же самое время существовал и другой взгляд на интеллигенцию, согласно которому без нее как лучшей части народа правительство не имеет права обходиться. «Наши охранители

утверждают, — писал Б.Н.Чичерин, — что недовольство нашею формою правления существует только среди так называемой «интеллигенции», а не в массе народа, и в этом они правы... Но из этого не следует, чтобы правительство могло бы опираться непосредственно на массу народа. Обыденная, каждодневная работа правительства совершается посредством его многочисленных *органов*, которые сами, по необходимости, выходят из среды интеллигенции, а потому только то правительство прочно, которое опирается на самые лучшие в умственном отношении силы народа, т.е. на его «интеллигенцию»³².

Исходя из этого, Б.Н.Чичерин ставил задачу преодоления разлада между правительством и передовыми силами страны. По его мнению, жалобы, что в стране нет честных и преданных делу общественных деятелей, безосновательны: нужно создавать условия деятельности, а люди найдутся. Не оправдывая деятельности радикалов, он, в частности, отмечал, с какой верой в свои идеалы и готовностью жертвовать собой, они живут. Он сетовал, что столько ума, энергии, самоотвержения, идеализма направлено на дурное дело³³. Сходные мысли о нежелании или неспособности правительства использовать в общественно полезных целях энергию отдельных интеллигентов, которые, не будучи востребованы верховной властью, обращают все свои силы против нее, — высказывал В.В.Розанов.

В России второй половины XIX — начала XX веков существовало не только отчуждение интеллигенции от народа, но также — и государства от народа. Этот разрыв пытались преодолеть славянофилы, которые предлагали интеллигенции стать народной («народом самосознающим», по выражению И.С.Аксакова), выступить как новая духовная сила, скрепляющая народ и государство, продвигающая общество в его историческом развитии. Практической силой, стремившейся к преодолению разрыва между интеллигенцией и народом, были также русские радикалы, ставившие своей целью построение общества на новых социальных началах. Однако характерной чертой их революционного мировоззрения был нигилизм, представлявший собой практико-политическое отрицание самодержавного госу-

дарства, православной церкви, патриархальной семьи и других сторон национальной жизни.

В книге «Россия и Европа» Данилевский рассматривал нигилизм в рамках своей концепции «европейничанья», то есть интеллигентского подражания Западу. По его мнению, нигилизм есть пример русского лжедемократизма и «последовательного материализма». Он выступал против приписывания русскому нигилизму «доморощенного» происхождения. Данилевский считал, что нигилизм заимствован, а следовательно, карикатурен: это новейшее направление немецкой науки, основателями которой являются Фогт, Молешотт, Фейербах, Б.Бауэр, Бюхнер и Штирнер. Причину распространения нигилизма он видел в отсутствии самобытного развития³⁴. Эти идеи были развиты им в статье «Происхождение нигилизма» (1884 г.), которая не осталась незамеченной и вызвала ряд критических отзывов, в том числе со стороны В.С.Соловьева и Н.П.Гилярова-Платонова. Последний опубликовал в газете «Русь» два письма к И.С.Аксакову «Откуда нигилизм?» (1884 г.)³⁵.

В статье «Россия и Европа» Соловьев дал следующую характеристику идейной стороне нигилизма 60-х годов XIX века: «Всем памятно, как умозрительная философия, или метафизика, была признана у нас не только печальным заблуждением ума человеческого, но прямо сумашествием или даже тяжким преступлением. Памятно всем пылкое увлечение новейшим немецким материализмом в сочетании с французским позитивизмом... Умственное движение шестидесятых годов отрицало идеальную философию лишь под чужим знаменем: то французских позитивистов, то английских эмпириков»³⁶.

Наиболее полную оценку нигилизму Соловьев дал в работе «Три речи в память Достоевского» (1881-1883 гг.). По его мнению, если Тургеневым не был угадан истинный смысл нигилистического движения, а роман, специально этому посвященный («Новь»), оказался совершенно неудачным, то Достоевский сумел предсказать важные общественные явления, которые были им осуждены во имя высшей религиозной истины, и указал лучший исход для общественного движения в принятии самой

этой истины³⁷. Критика Достоевского была направлена прежде всего против представителей того воззрения, по которому всякий сильный человек сам себе господин и ему все позволено, а также целых обществ людей, одержимых мечтой о насильственном перевороте. Ф.М.Достоевскому, отмечал Соловьев, были совершенно ясны три истины: «...Он понял прежде всего, что отдельные люди, хотя бы и лучшие люди, не имеют права насилловать общество во имя своего личного превосходства; он понял также, что общественная правда не выдумывается отдельными умами, а коренится во всенародном чувстве, и, наконец, он понял, что эта правда имеет значение религиозное и необходимо связана с верой Христовой с идеалом Христа»³⁸. В противовес взглядам нигилистов Соловьев выдвинул тезисы: мир невозможно спасти насилием; самодовольная отвлеченная правда порождает лишь преступление; выход из духовного кризиса следует искать в поисках иной правды – положительного религиозного идеала. Говоря о предугадывании Достоевским особенностей нигилистического движения, Соловьев не предполагал, что сам станет провидцем, когда с иронией писал о нигилистах, что они «быть может являют собой *будущее* России»³⁹.

Сопоставление взглядов Данилевского и Соловьева по злободневным вопросам духовной жизни русского общества пореформенной эпохи, по проблеме соотношения общечеловеческого и национально самобытного в культурно-историческом развитии человечества позволяет сделать вывод о противоположности исходных мировоззренческих установок двух выдающихся русских мыслителей XIX столетия, наиболее ярко выразивших идеологическое противостояние основных интеллигентских групп.

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991. С. 471-472.

- ² Соловьев В.С. Соч. В 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 408.
- ³ Соловьев В.С. Соч. Т. 2. С. 409.
- ⁴ Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 127.
- ⁵ Данилевский Н.Я. Указ соч. С. 91.
- ⁶ Там же. С. 93.
- ⁷ Соловьев В.С. Соч. Т. 2. С. 410.
- ⁸ *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. В 3 кн. Кн. 1. М., 1993. С. 48.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Милоков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция //Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909-1910. М., 1991. С. 299-300.
- ¹² *Франк С.Л.* Этика нигилизма (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) //Вехи; Интеллигенция в России. С. 162-163.
- ¹³ Страхов Н.Н. Война и мир. Сочинение графа Л.Н.Толстого. Томы I, II, III и IV. Издание второе. М., 1868. Статья 1 //Он же. Литературная критика. М., 1984. С. 260-261.
- ¹⁴ Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 405.
- ¹⁵ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство //Он же. Избранное. М., 1993. С. 49, 67.
- ¹⁶ Цит. по: *Боровой Л.* Путь слова. М., 1974. С. 278.
- ¹⁷ Аксаков И.С. Федор Иванович Тютчев. Биографический очерк //Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М., 1981. С. 309.
- ¹⁸ Русское общество 40-50-х годов XIX в. Ч. 1. Записки А.И.Кошелева. М., 1991. С. 87.
- ¹⁹ Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 416, 418.
- ²⁰ Там же. С. 539.
- ²¹ Соловьев В.С. Россия и Европа //Он же. Литературная критика. М., 1990. С. 316.
- ²² Там же. С. 316-317.
- ²³ Соловьев В.С. Идолы и идеалы //Он же. Литературная критика. С. 343.
- ²⁴ Там же. С. 344.
- ²⁵ Соловьев В.С. Соч. Т. 2. С. 298.
- ²⁶ Соловьев В.С. Идолы и идеалы //Он же. Литературная критика. С. 343.
- ²⁷ Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 441.

- ²⁸ Там же. С. 435-436.
- ²⁹ Ключевский В.О. Мысли об интеллигенции //Слово. 1993. № 5-6. С. 5.
- ³⁰ Там же. С. 2.
- ³¹ Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 405.
- ³² Чичерин Б.Н. Мысли о современном положении России //Звезда. 1994. № 10. С. 114.
- ³³ Там же. С. 113-116.
- ³⁴ Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 291-293.
- ³⁵ См. также: *Гиляров-Платонов Н.П.* Откуда нигилизм? М., 1904.
- ³⁶ Соловьев В.С. Россия и Европа //Он же. Литературная критика. С. 322.
- ³⁷ Соловьев В.С. Соч. Т. 2. С. 296, 299.
- ³⁸ Соловьев В.С. Соч. Т. 2. С. 298.
- ³⁹ Соловьев В.С. Русская идея //Русская идея. М., 1992. С. 188.

Д.К. АХТЫРСКИЙ

Российский государственный гуманитарный университет

СИМВОЛИКА ВЕЧНОЙ ЖЕНСТВЕННОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА

Тема «вечной женственности» – закавычиваю словосочетание, поскольку оно в рамках данного дискурса заменимо другими смыслообразами – в христианском пространстве смыслов окутана специфическим туманом, затрудняющим размышление, но и провоцирующим концептуализацию (хотя и болезненного свойства).

Естественно, где речь заходит о женственности, там подразумевается и мужественность. Мы априори ограничены в своих представлениях о мире фактом наличия двух полов. Те объекты, которые невозможно причислить к тому или иному полу, являются либо бесполоыми, либо двуполоыми – и, значит, не разрывают бинарную замкнутость. Фантасты – например, Айзек Азимов – пытаются смоделировать мир, в котором наличествуют три и более полов. Но и в этом случае можно выделить два пола, максимальным образом выражающие наши представления о муже-